

Научная статья
УДК 17(410)(09)«16/17»
DOI 10.37724/RSU.2023.79.2.006

Элиза Хейвуд vs маркиз Галифакс: кризис морально-этических ценностей в Британии в конце XVII — первой половине XVIII века¹

Ксения Андреевна Созинова

Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина,
Екатеринбург, Россия
sozinovak@gmail.com

Аннотация. Актуальность исследования определяется обращением к изучению переходной эпохи (1650–1750) в Британии на уровне интеллектуального дискурса о нравственных постулатах и ценностях, что дает возможность декодировки современного кризиса морально-этического канона. Кризис нравственных постулатов особо ярко проявил себя в период Реставрации, породив особый жанр литературы — романы о супружеской неверности (*novel of wifely adultery*). В данной статье рассматривается отражение кризиса морально-этических ценностей 1650–1750 годов в Британии через обращение к дидактическому роману Элизы Хейвуд «История мисс Бетси-ветреницы» (1751). Автор статьи демонстрирует, что, несмотря на угасшую популярность писательницы в конце XVIII века, сегодня ее труды иллюстрируют неравноправное и подчиненное положение женщины в браке XVIII века. Хотя идея подчинения женщины в браке была не нова, в отличие от пуританских богословов, которые выступали за утверждение товарищеских отношений в браке, формирующаяся светская традиция предпочла пойти по пути дальнейшего ограничения свободы женщины, окончательно закрепив ее подчиненное положение. Ярким примером рупора патриархальных семейных ценностей является «Новогодний подарок для леди, или Наставление дочери» маркиза Галифакса (1688). В противоположность Галифаксу Хейвуд полагала, что попытки женщины следовать негласному патриархальному семейному кодексу негативно влияют на ее личность и ведут к ее слому. В своем романе Хейвуд указывает на несоответствие атмосферы периода ухаживания и устанавливающихся впоследствии взаимоотношений в семье, вскрывает ловушки, с которыми может столкнуться каждая женщина при неудачном выборе партнера, а также демонстрирует, насколько советы Галифакса в реальной семейной жизни оказываются нежизнеспособными.

Ключевые слова: Элиза Хейвуд, маркиз Галифакс, «История мисс Бетси-ветреницы», «Новогодний подарок для леди», брак, развод, адюльтер, кризис морально-этических ценностей, Британия.

Для цитирования: Созинова К. А. Элиза Хейвуд vs маркиз Галифакс: кризис морально-этических ценностей в Британии в конце XVII — первой половине XVIII века // Вестник Рязанского государственного университета имени С. А. Есенина. 2023. № 2 (79). С. 58–68. DOI: [10.37724/RSU.2023.79.2.006](https://doi.org/10.37724/RSU.2023.79.2.006).

Original article

Eliza Haywood vs Marquess of Halifax: crisis of moral and ethical values in Britain in late 17th — first half of the 18th centuries

Ksenia Andreyevna Sozinova

Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin,
Ekaterinburg, Russia
sozinovak@gmail.com

Abstract. The relevance of the theme is determined by its object: the transitional era (1650–1750) in Britain in intellectual discourse on moral postulates and values; it is possible to draw certain parallels with the current crisis of the moral canon. The crisis of ethical postulates manifested itself most clearly during the Restoration, giving rise to a special genre of literature, novels of wifely adultery. The present paper discusses the reflection of the crisis of moral and ethical values of 1650–1750 in Britain, as illustrated in Eliza Haywood's didactic novel *The History of Miss Betsy Thoughtless* (1751). The study demonstrates that despite the faded popularity of the female writer later in the

---

¹ Исследование выполнено при поддержке гранта Российского научного фонда (проект № 22-18-00488 «Кризис ценностей и стратегии преодоления: Идея “Общего блага” в интеллектуальном дискурсе Британии и России (1650–1750)»).

century, today her works illustrate the unequal and subordinate position of an 18th-century woman in marriage. Although the idea of woman's subordination in marriage was not new, in contrast to Puritan theologians who advocated the establishment of companionship in marriage, the emerging secular tradition chose to take the path of further restricting women's freedom, finally confirming her secondary position. A striking example of the mouthpiece of patriarchal family values is *The Lady's New-Year's-Gift; or, Advice to a Daughter*, by the Marquess of Halifax. In contrast to Halifax, Haywood believed that a woman's attempts to follow the implicit patriarchal family code negatively will affect her personality and lead to a breakdown. In her novel, Haywood pointed out the discrepancy between the atmosphere of the courtship period and the relationships that are subsequently established in the family; she lists the traps that a woman may face when she and her partner are mismatched, and also demonstrates how Halifax's advice turns out to be unviable in a real family.

Keywords: Eliza Haywood, Marquess of Halifax, *The History of Miss Betsy Thoughtless*, *The Lady's New-Year's-Gift*, marriage, divorce, adultery, crisis of moral values, Britain.

For citation: Sozinova K. A. Eliza Haywood vs Marquess of Halifax: crisis of moral and ethical values in Britain in late 17th — first half of the 18th centuries. *The Bulletin of Ryazan State University named for S. A. Yesenin*. 2023; 2 (79):58–68. (In Russ.). DOI: 10.37724/RSU.2023.79.2.006.

Кризис морально-этических ценностей в первой половине XVIII века в английском обществе был напрямую связан с изменениями в семейно-брачных отношениях в период Реставрации. Несмотря на то, что брак для женщины оставался главным жизненным устремлением, в последней четверти XVII века эти перспективы были весьма ограничены. Из-за потерь в гражданской войне соотношение полов оказалось на уровне тринадцать женщин —десять мужчин [Wilson, 2007, p. 135]. Возможность выбора брачного партнера в этот период благоприятствовала мужчинам, что усугубляло изоляцию женщин как из среды нобилити, так и джентри, которые обычно не выходили замуж за представителей нижестоящего социального класса. Все это неизбежно сказалось и на изменении статуса слабого пола. Потеря женщинами перспектив получить достойное образование и уменьшение шансов в выборе партнера усугублялись изменением сексуальных нравов, последовавшим за упадком пуританства.

Этот период стал временем радикальной трансформации сексуального поведения и менталитета англичан и англичанок. Недаром Лоуренс Стоун заметил: «...в конце XVII и XVIII вв. произошли масштабные изменения в сексуальных отношениях и поведении. Практически весь XVIII в., между двумя периодами строгих моральных репрессий (в начале XVII в. под руководством пуритан, а в начале XIX в. уже методистов и евангелистов), как высшие, так и низшие классы вели себя удивительно расслабленно и вседозволенно в отношении к сексуальному поведению. Можно предположить, что низшие слои среднего класса не участвовали в этих культурных изменениях, продолжая лелеять пуританские, а затем и методистские ценности на протяжении последующего столетия. <...> ...перемены не коснулись и наиболее набожных представителей англиканских высшей буржуазии и дворянства. <...> Однако для тех, кто не разделял религиозных убеждений этих респектабельных, богобоязненных средних слоев, XVIII в. был периодом необычайной сексуальной терпимости» [Stone, 1977, p. 648].

Контроль пуританских богословов и гражданских магистратов был ослаблен, и жены могли лишь выражать разочарование и беспомощность по поводу непристойного поведения своих супругов, открытого содержания ими любовниц и двойных стандартов морали, с которыми женщинам приходилось мириться [Stone, 1992, p. 96]. Так, кризис в семейно-брачных отношениях проявился в ослаблении морально-этических идеалов в период Реставрации, из-за чего сформировалось представление о том, что женщина как представительница слабого пола должна закрывать глаза на недостатки мужчин и занимать подчиненное положение в браке. Определенно, идея подчинения женщины мужчине в браке была не нова, ее с легкостью можно найти и у пуританских богословов начала XVII века (в частности у Томаса Гатейкера), однако они полагали, что и мужчина должен вести себя в браке благочестиво. Тем не менее в период Реставрации в интеллектуальный дискурс эпохи проникла и глубоко укоренилась идея о том, что мужчина может иметь гораздо больше свободы и привилегий в браке, нежели женщина. Ярким примером этого феномена стали «Наставления дочери» маркиза Галифакса (1688).

Часть исследователей полагает, что все эти изменения, пришедшиеся на конец Великого мятежа и период Реставрации, никак не повлияли на товарищеские отношения, устанавливающиеся между супругами в браке. Однако очевидно, что дружеские связи между мужчиной и женщиной требовали равенства образования, позволяющего супругам разделять общие интересы и проводить

совместный досуг, что явно не соответствовало той ситуации, которая воцарилась в последней четверти XVII века.

Вопрос о том, насколько широко был распространен гендерный антагонизм или даже кризис обозначенного периода, стал предметом целой научной дискуссии, инициированной в 70–80-е годы XX века в Британии. Эдвард Шортер и Лоуренс Стоун выражали мнение, что социальные условия оказались настолько неблагоприятны для женщин, а склонность к их эксплуатации так сильно возросла, что любая обладающая самосознанием и мыслящая женщина любого социального ранга должна была испытывать глубоко пессимистичные настроения насчет своей будущности в браке [Shorter, 1976 ; Stone, 1977]. С другой стороны, Фердинанд Маунт утверждал, что удивительная степень морального и эмоционального равенства и теплоты всегда характеризовала отношения между полами [Mount, 1982]. В 1990-е годы Лора Гоуинг акцентировала внимание на ухудшении отношений между полами, опираясь на результаты исследования протоколов лондонских церковных судов (обвинения в супружеской неверности, заявления о раздельном проживании и пр.) [Gowing, 1996]. На вопрос о том, можно ли говорить о гендерном кризисе в этот период, Гоуинг заключала, что отношения между мужчиной и женщиной всегда были (и остаются) на грани конфликта и его преодоления. Аманда Веккери полагает, что человеческая мотивация редко сводится либо к чистым, бескорыстным эмоциям, либо к интригам и материальной стратегии, поэтому следует «с подозрением относиться к укоренившемуся аргументу о том, что в XVIII веке договорной брак был заменен романтической помолвкой». Веккери не согласна с достаточно пессимистичной трактовкой перспектив брака, изложенной Л. Стоуном, подчеркивая, что в XVII веке существовал широкий спектр практик ухаживания, а «менее озабоченные династическими императивами мелкие джентри позволяли своим детям проявлять больше инициативы в ухаживании» [Vickery, 1998, p. 68].

Американская исследовательница Кэтрин Уилсон считала, что доводы в пользу пессимистичного расклада подтверждаются свидетельствами растущей пропасти между мужчинами и женщинами, причина чего заключалась в предоставлении мужчинам новых образовательных возможностей, а также в недовольстве, с которым этот факт восприняли женщины из высшего класса [Wilson, 2007, pp. 133–134]. Согласно Рут Перри, достижения в области образования в конце XVII века привели к такому положению дел, при котором «пол стал более важным фактором, определяющим образовательный статус, чем социальный класс» [Perry, 1986, p. 104]. К. Уилсон солидарна с этим утверждением и приводит заявление Л. Стоуна о том, что, за исключением короткого периода в середине XVI века, когда ведущие гуманисты выступали за женское образование, «грамотность и классическое образование увеличили разрыв между полами» [Stone, 1977, p. 202]. В то время как ряд аристократок к концу XVI века учили латынь и греческий язык и даже читали Платона и Аристотеля в оригинале, XVII век положил этому конец, отдав предпочтение французскому языку, музыке и рукоделию [Ibid., p. 204]. Небольшие радикальные секты времен гражданской войны, включая квакеров, отвергли пуританские доктрины, особенно первородный грех и необходимость подчинения женщин, и поддерживали грамотность и активность слабого пола. Однако вместе с Реставрацией эгалитарные социальные движения потеряли весь свой импульс. Заметных улучшений в подходах к женскому образованию не произошло вплоть до конца XVIII века, когда вновь было рекомендовано образование в области естественных наук, а также языков [Wilson, 2007, p. 134].

Именно в этот период появляется особый вид литературы — романы о супружеской неверности (*novel of wifely adultery*). Если пуританские богословы XVII века в своих проповедях создавали образ добродетельной супруги, то сентиментальная беллетристика XVIII века изобличала те пороки супружеской жизни, которые наиболее ярко проявили себя после Английской революции — супружеские измены, или адюльтеры. Современный исследователь Билл Овертон выделяет романы о супружеской неверности в отдельную категорию, не смешивая их с нарративами, в которых супружеская измена играет разную роль. Полноценный роман об адюльтере интерпретируется им как «любой роман, в котором одна или несколько адюльтерных связей занимают центральное место, что определяется его действием, темами и структурой» [Overton, 2002, p. 4]. Овертон отмечает, что, во-первых, ключевой темой в большом количестве британских повествований от поздней Реставрации до конца XVIII века стало прелюбодеяние. Во-вторых, хотя притязания на литературный приоритет всегда проблематичны, произведение, которое вполне можно было бы назвать первым британским романом, «Любовные письма между дворянином и его сестрой» Афры Бен (1684–1687), также является романом о супружеской неверности (в романе речь идет о скандальных любовных связях аристократа Филандера). В-третьих, несмотря на то, что романы XIX века о супружеской измене были написаны почти исключительно мужчинами, в

течение долгого XVIII века авторство многих произведений британской прозы о супружеской измене принадлежало женщинам [Ibid., p. 71]. Среди авторов данного жанра Овертон выделяет три ключевые женские фигуры: Афра Бен, Деларивье Мэнли и Элиза Хейвуд, именуемые как «прекрасный триумвират умов» (“fair Triumvirate of wit”) [Ibid., p. 9], чье творчество вплоть до 1980-х годов не подвергалось глубокому критическому анализу как в отечественной, так и в зарубежной историографии. Лишь благодаря расцвету женских исследований и феминистской литературной критики произошла переоценка творчества, как ранее казалось, второстепенных писательниц эпохи (minor female novelist).

Элиза Хейвуд (1693–1756) является самой плодовитой из трех писательниц «триумвирата»: она опубликовала более 30 романов, биографию, осуществила несколько переводов континентальных романов, писала поэмы, памфлеты; ряд ее пьес был поставлен на сценах лондонских театров. Ее первый роман «Крайности любви» (1719) имел не меньший успех, чем «Жизнь и удивительные приключения Робинзона Крузо» Д. Дефо и «Путешествия Гулливера» Дж. Свифта — самые популярные произведения английской художественной литературы XVIII века до выхода «Памелы» С. Ричардсона [Schofield, 1981, p. 9]. Э. Хейвуд принимала активное участие в литературной жизни Лондона, став первой женщиной-издательницей журналов, адресованных читательницам среднего класса (The Female Spectator, The Parrot). Тем не менее ее творчество не попадало в широкое поле внимания исследователей, считавших ее автором второго порядка. Данное утверждение активно пересматривается с 1980-х годов. В контексте данной статьи важными выступают работы М. Шофилд, Б. Овертона и Ш. Стюарт [Schofield, 1981 ; Overton, 2002 ; Stuart, 2002], раскрывающие взгляды Э. Хейвуд на положение женщины в браке на примере ее позднего романа — «История мисс Бетси-ветреницы» (1751).

Э. Хейвуд лучше всех из «триумвирата» иллюстрирует трансформацию понимания брачного союза, произошедшую к середине XVIII века в Англии. В романе «История мисс Бетси-ветреницы» (The History of Miss Betsy Thoughtless) [Haywood, 1998] Хейвуд очень четко отмечены изменения, которые впоследствии повлияли на представление о взаимоотношении полов в британской литературе почти до конца XIX века.

Исследователи условно делят творчество Хейвуд на два периода. В большинстве ее произведений первого периода (1720-е и 1730-е годы) изображается тяжелое положение страдающей героини, неспособной примириться с внутренней борьбой и принять свое положение в обществе, из-за чего в финале героиня заканчивает свою борьбу изгнанием или смертью. Романы более позднего периода (1740-е и 1750-е годы) рисуют более консервативный портрет добродетельной героини, которая проходит ряд испытаний на протяжении всего романа, но остается верной своей добродетели и не оспаривает положение женщины в обществе, за что в конце вознаграждается счастливым браком [Schofield, 1981, p. 10]. В основе романов Хейвуд неизменно лежит повествование о женских страданиях, ее героини представляют собой незамутненный портрет судьбы женщины XVIII века. М. Шофилд отмечает, что «в свое время героини Хейвуд подготовили читателя к Памеле Эндрюс, Клариссе Гарлоу, Фанни Гудвилл и Софии Вестерн» [Schofield, 1981, p. 10]. Несмотря на то, что «История мисс Бетси-ветреницы» относится к позднему периоду творчества Хейвуд, счастливый финал романа весьма неоднозначен.

«История мисс Бетси-ветреницы» сыграла ведущую роль в создании особого типа романа, в котором молодая женщина учится вести себя не только добродетельно, но и благоразумно [Overton, 2002, p. 113]. Сюжет преобразования кокетки получил дальнейшее развитие у Ф. Берни в «Эвелине» (1778) и в «Гордости и предубеждении» (1813) Дж. Остен. Произведение Хейвуд справедливо может быть охарактеризовано как один из первых романов, изображающих героиню, борющуюся с последствиями несчастливой брака. Кроме того, это один из немногих романов своего периода, посвященный подробностям бракоразводного процесса и супружеских отношений, репрезентирующий светские игровые ритуалы поведения и кодекс любовного флирта.

Б. Овертон отмечает, что одним из очевидных аспектов, в котором Хейвуд следует новой и более консервативной морали, является изображение женщин, поддающихся соблазнению [Overton, 2002, p. 113]. Поведение неосторожной, но добродетельной героини контрастирует с поведением двух ее подруг, которые расплачиваются за свои сексуальные проступки, в частности одна из них, девица Форвард, с которой героиня училась вместе в пансионе, опускается до проституции. Подобные примеры необходимы для того, чтобы оградить молодую женщину от неподобающего поведения до замужества. В романе описаны и случаи женской супружеской неверности, которая также имеет свои последствия. Так, леди Мелазен, супруга мистера Гудмана, виновна в прелюбодеянии. Ее любовник, узнав, что после заключения нового брака материальное положение женщины изменилось в лучшую сторону, угрожает, что раскроет их связь, и вымогает деньги. Когда роман и шантаж обнаруживаются, муж леди Мелазен возбуждает против нее бракоразводный процесс. Несмотря на то, что процесс

заканчивается из-за внезапной смерти супруга, женщине все же приходится покинуть страну. Еще ниже по шкале сексуальной безнравственности стоит молодая француженка, которую содержит старший брат Бетси. Героиня проявляет к ней жалость, предоставляет ей убежище в собственном доме, а в ответ на помощь и сострадание француженка соблазняет мужа хозяйки.

Если главной добродетелью в романе является благоразумие, то основным пороком и виновником всех бед Бетси выступает тщеславие (*vanity*) — «закоренелое вертопрашество и тщеславие, столь же опасное для добродетели, сколько для доброго имени» [Вертопрашка, ч. 3, с. 37], исходящее из ненадлежащего воспитания Бетси. Ее мать рано умерла, отец отправил дочь в пансион, а после его смерти Бетси забрал к себе мистер Гудман — доверенный отца. С этого времени за воспитание Бетси взялась молодая супруга попечителя, леди Мелазен, вдова французского дворянина, которую интересовали лишь светские развлечения и деньги мужа. Еще в пансионе Бетси сошлась с девицей Форвард, которая вела себя весьма легкомысленно, но руководство пансиона закрывало глаза на ее свидания, в организации которых помогала Бетси. Когда героиню в 15 лет забрали в Лондон, ее голова «вскоре вскружилась; малое количество ума, полученное ею от природы, весьма слабой против сего множества забав, не позволяло ей почувствовать пустоту таковой жизни» [Вертопрашка, ч. 1, с. 20]. Госпожа Трасти, добрая подруга матери девушки, пыталась направить Бетси на путь истинный, но та не желала ничего более, кроме удовольствия слышать похвалы своей красоте и принимать внимание многочисленных поклонников. По прибытии в Лондон «Савинг стал первой жертвой ее прелестей, возгордась владычеством над своим любовником, тирански с ним поступала; причиняемая ею ему мучения ласкали ее самолюбие... находила она чрезмерное удовольствие в тех мучениях, кои причиняло ее своенравие» [Там же, с. 21–22].

Мистер Гудман надеялся, что Бетси найдет для себя выгодную партию, но «Бетси хотела дожидаться того, когда она, насытившись удивлением, похвалами и ласкательствами мужчин, не будет находить более того же удовольствия в предпочтении своем пред всеми своими знакомыми» [Вертопрашка, ч. 1, с. 87]. Отличительной особенностью героини Хейвуд является то, что заключение брака фактически не вписывалось в ее картину мира, а главным стремлением было обрести независимость. Хотя поведение Бетси было продиктовано ее незрелостью и неопытностью, тем не менее появление такого персонажа свидетельствует об отношении самой Хейвуд к патриархально настроенному английскому обществу, культивировавшему брак как главное жизненное устремление женщины.

«История мисс Бетси-ветреницы» может показаться историей исправления кокетки, дополненной брачными советами, однако произведение Хейвуд позволяет читателю увидеть кризис семейно-брачных отношений через трансформации, которые проходит героиня [Stuart, 2002, pp. 559–560]. Бетси рано потеряла мать, воспитывалась в пансионе, где приобрела дружбу с девушкой сомнительной репутации и впоследствии, после смерти отца, воспитывалась в доме его друга и доверенного лица, чья супруга не могла быть достойным образцом добродетели. Хорошим примером для юной девушки должна была служить леди Трасти, добрая подруга ее покойной матери, которая пыталась отвлечь героиню от соблазнов света, придерживаясь достаточно патриархальных взглядов на брак и роль женщины в нем. Следуя советам леди Трасти и смирившись с необходимостью замужества, Бетси вступила в брак с мужчиной, в представлении которого глубоко укоренилась мысль, что жене в семье отведена роль старшей служанки. Будучи супругой пэра и пожилой женщиной, леди Трасти обладала авторитетом, и ее мнению можно было доверять, поскольку оно не расходилось с современной патриархальной семейной идеологией.

Ш. Стюарт обратила внимание на то, что советы леди Трасти часто перекликаются или даже подражают манере Джорджа Сэвила, маркиза Галифакса, автора неувядающего бестселлера того времени — «Новогодний подарок для леди, или Наставление дочери» (1688), самой известной книги наставлений первой половины XVIII века [Stuart, 2002, p. 560]. С одной стороны, леди Трасти на фоне леди Мелазен выглядит однозначно положительным и добродетельным персонажем, однако Хейвуд расставляет акценты таким образом, что перед читателем предстает очевидная несостоятельность, казалось бы, разделяемых всеми патриархальных семейных ценностей, проповедуемых леди Трасти, где женщина занимает в семье подчиненное положение. Явно противоречивые советы леди Трасти подрывают авторитет столь популярных в то время книг по поведению. Хейвуд ведет своеобразный диалог с Галифаксом. Она критикует его советы дочери Элизабет, демонстрируя их неадекватность на примере своего персонажа — Бетси.

В основе романа Хейвуд лежит идея неизбежности замужества. Бетси нравится быть окруженной поклонниками и вести независимую жизнь, принимать ухаживания. Наивысшее наслаждение Бетси доставляло внимание сразу нескольких мужчин: «Вдруг две победы! Есть чем

заниматься молодому уму!.. она вздумала сии две бедны жертвы томить, то испровергая, то оживляя их надежды. Сие намерение не было благородным, но известно, что Бетси была тщеславна. Мы управляем мужчинами, как хотим, говорила она сама себе; они сущие машины, и весьма тем счастливы, что мы берем на себя труд распорядиться ими» [Вертопрашка, ч. 1, с. 97–98]. Ей претила идея брака, но размолвка с Трувортом и настойчивое требование братьев заключить брак с Минденом смиряет героиню с судьбой большинства женщин. Она сокрушается: «Какое сумасбродство! Какая глупость... идти замуж! Не лучше ли было бы принимать жертвы от тысячи любовников, нежели иметь одного такого, который, бывши нашим рабом, становится нашим господином, может быть для того, чтобы употреблять во зло власть свою?» [Вертопрашка, ч. 3, с. 44]. В этой цитате сосредоточена вся квинтэссенция несоответствия отношения мужчины к женщине в период ухаживания и после вступления в брак. Бетси описывает ситуацию, жертвой которой ей самой вскоре предстоит стать. Она вступит в брак по совету и благословиению леди Трасти, но ее несчастливое замужество лишь свидетельствует о непоследовательности супружеских советов и дидактики, основанной на книгах о поведении. Ш. Стюарт подчеркивает, что девиз хорошей жены первой половины XVIII века включал в себя набор ультимативных норм — подчиняться, повиноваться, успокаивать, соглашаться [Stuart, 2002, p. 565]. Но такие женщины, как Бетси, не привыкшие к чьему-либо авторитету, не могли быстро смириться с тем, что тот, кто еще вчера был их «рабом», сегодня стал господином, а потому испытывали колоссальную психологическую нагрузку, пытаясь подстроиться под требования семейной жизни.

Бетси недоумевает, почему женщина, желающая выйти замуж, отказывается от власти, которой она обладает над мужчиной во время ухаживания, и подвергает себя послушному рабству. Сам Галифакс тоже осознает этот дисбаланс: «“Подчинение” [obey] — это не совсем благозвучное слово, с ним трудно смириться, оно совершенно не вяжется с тем приятным обхождением, которое предшествует помолвке» [цит. по: Лабутина, 2016, с. 193]. Если еще раз обратиться к советам Галифакса, то они вызовут немало вопросов. Он напрямую говорит, что даже если женщине достанется муж-пьяница или прелюбодей, скупец или идиот, кем бы он ни был, он — господин. Такой чудесный новогодний подарок отец желал для двенадцатилетней девочки. Когда четыре года спустя его дочь выйдет замуж, ее муж действительно окажется прелюбодеем и пьяницей, а она будет хранить копию знаменитого наставления отца на комод в своей спальне. Легенда гласит, что тесть девушки, лорд Честерфилд, «однажды взял в руки эти советы и написал на титульном листе: “Напрасный труд”» [цит. по: Stuart, 2002, p. 565]. Возможно, брак Элизабет был не самым счастливым, однако талант Галифакса передался его внуку — Филипу Дормеру Стэнхоупу, четвертому графу Честерфилду, известному своими «Письмами к сыну».

Впрочем, если бы женщина вознамерилась следовать всем советам, изложенным Галифаксом, у нее вполне мог быть неудачный брак. Хейвуд определенно была знакома с советами Галифакса дочери, поскольку текст выдержал тринадцать изданий и несколько переизданий между первым появлением в 1688 году и 1753 годом [Stuart, 2002, p. 566]. Интересно, что на русский язык «Новогодний подарок» был переведен только в 1790 году [Советы знатного человека, 1790], то есть почти в то же время, что и рассматриваемое произведение Хейвуд. Роман Хейвуд, как и советы Галифакса, переведен на русский язык с французского и опубликован в трех частях в 1795–1796 годах под названием «Вертопрашка, или история девицы Бетсии Татлес». Следует отметить, что в русском переводе были утрачены «говорящие» фамилии персонажей романа. Так, даже сама фамилия Бетси, *Thoughtless* («легкомысленная, ветреница»), была заменена на Татлес, что видится большим упущением. То же самое и с другими фамилиями: *Mr. Goodman* («хороший человек») — Гудман, *Sir Ralph Trusty* («доверенный») — Тристи, *Mr. Saving* («несущий спасение») — Савинг, *Mr. Truworth* («истинная ценность») — Труворт, и т. д.

В 2016 году «Новогодний подарок для леди» маркиза Галифакса вышел в современном переводе И. Л. Анисовой [Лабутина, 2016, с. 187–222], сумев привлечь внимание отечественных читателей уже в XXI веке. В свое время это была самая влиятельная книга по поведению для женщин, господство которой продлилось почти столетие, пока ее не превзошли по популярности «Отцовское наставление дочерям» Дж. Грегори и «Письма об улучшении разума» Э. Шапон. Галифакс как добрый отец пытался представить дочери портрет совершенной женщины, но действительно ли хоть одна женщина в Англии хотела быть на нее похожей?

Во второй главе, посвященной мужу, Галифакс честно признает: «Одно из несчастий, неразлучных от вашего пола, состоит в том, что редко позволяют молодым особам выбирать себе супруга. Попечение и опытность их родителей и их друзей почитаются верными советниками в рассуждении их, нежели собственный их вкус; а скромность препятствует часто им отказать тому,

которого их отцы или матери изберут, хотя выбор не всегда отвечает наружному их согласию. Единое лекарство, которое служит в сем несчастьи, состоит в том, чтобы стараться напоследок привыкнуть к своей судьбе. <...> ...вы должны положить основанием то, что есть неравенство между двумя полами, и потому мужчины должны давать законы и управлять вселенною» [Советы знатного человека, 1790, с. 24–25].

Следует отметить, что в тексте встречаются своего рода ободрения, намекающие на возможность женщины направлять мужчину в браке: «В вашей власти состоит не только сделаться самим свободною, но учинить еще невольниками ваших обладателей, и, не делая им насилия, от вас только зависит обуздать ту власть, которую закон и природа им дают» [Советы знатного человека, 1790, с. 26–27]. Подчинение и послушание завуалировано разного рода намеками на женскую власть над мужчинами. Галифакс верит в силу женских слез, перед которыми не устоят никакие мужские аргументы.

Маркиз достаточно подробно останавливается на пяти мужских пороках: распутстве, винопитии, злом нраве, скупости, слабом разуме, и дает дочери рецепты, каким образом вести себя в каждом отдельном случае. Самым невинным пороком в шкале мужских прегрешений является пьянство: «...это не будет новость, когда вы имеете мужа пьяницу, и довольно есть примеров, которые показывают, что это в самом деле случается; однако женщина не будет от этого совсем несчастлива» [Советы знатного человека, 1790, с. 38–39]. И в муже-пьянице есть свои достоинства: «...женщина не совсем печалиться должна, что муж ее подвержен слабостям... <...> Беспорочный муж есть опасный примечатель; он имеет столь пронзительное око; он смотрит столь ясно во все вещи, что ему очень легко везде приметить слабость... очень мало таких женщин, которые могли бы устоять прямо в своей должности, ежели все их слова и дела будут замечены ясным и непорочным взором» [Там же, с. 40–41]. С точки зрения Галифакса, «пороки и страсти супругов заставляют их иметь почтение к свои женам и поступать с ними с меньшим разбирательством, чего, может быть, не сделали бы непорочные мужья» [Там же, с. 42].

С одной стороны, советы маркиза содержат рациональное зерно, объясняя юной девушке непростые правила жизни в браке и показывая, как можно подстроиться под характер супруга и сохранить некое подобие психологического комфорта, что создает впечатление о сочувствии автора женскому полу. С другой стороны, часть советов наглядно демонстрирует, что сам автор находится в плену патриархальной теории: «Когда он, пришедши с пирушки, увидит себя принятым без крику и укоризны: то обыкновенно вино переменится на ласки, которыми вы не должны гнушаться, сколько бы наглы они ни были» [Советы знатного человека, 1790, с. 43–44]. О скупости Галифакс замечает, что «мало страстей, столь трудных к исправлению» [Там же, с. 51], в его понимании этот порок неисправим. А слабый разумом муж — не худший вариант в иерархии пороков автора: «Несмышленный человек бывает опасен, когда другие, кроме его жены, им повелевают; и вы худо поступите, если не примете на себя опеку такого человека» [Там же, с. 59].

Тем не менее мужские пороки автором наставлений не порицаются, женщины должны воспринимать их как данность и находить возможность обернуть их в свою пользу. Также Галифакс везде подчеркивает, что нельзя афишировать пороки мужа в свете — это может нанести непоправимый вред репутации семьи. Подобными рассуждениями маркиз загоняет женщину в двойную ловушку: она вынуждена мириться с пороками супруга и не имеет возможности поведать о них кому-либо и получить защиту.

Произведение Хейвуд иллюстрирует неадекватность советов Галифакса по поведению в браке: пытаясь постоянно подстроиться под мужа, женщина стремительно теряет саму себя. Галифакс же отстаивает важность повиновения, даже если брак не удался, а если муж оказался тираном, верит, что сила женских слез сможет его смягчить.

В романах, вышедших после «Бетси-ветреницы», постоянно будет использоваться сюжет, когда опытные женщины — матери, тетушки, наставницы — станут давать советы о браке, которые непреднамеренно навредят героине [Stuart, 2002, p. 566]. В «Доводах рассудка» Дж. Остен (1818) леди Рассел убеждает Энн Эллиот не выходить замуж за капитана Уэнтворта лишь из-за любви, ведь у избранника нет состояния. Энн подчиняется, но оказывается совершенно несчастлива и переносит тяжелую болезнь, пока Уэнтворт не возвращается, разбогатев на море. Энн выходит за него замуж, и леди Рассел не остается ничего другого, кроме как признать, что она была права. В конце романа Бетси также перестает полагаться на авторитет леди Трасти.

В основе советов Галифакса лежит та же идея, что и у леди Трасти: покончить с домашней тиранией путем подчинения и мягкого убеждения. Буквально после свадьбы леди Трасти дает ряд наставлений Бетси о ее будущей семейной жизни: «Вмешивайся только в такие домашние дела, кои

должны касаться до тебя; оставь своему мужу попечение о внешних делах; не отнимай прав его, но сохраняй свои; однако ж не показывайся слишком к ним привязанною. Когда надобно будет, уступи, чтобы восстановить тишину, но чтобы муж твой чувствовал, что это делается из любви к нему, и он будет тобою доволен» [Вертопрашка, ч. 3, с. 54]. Более того, когда леди Трасти говорит о браке с Минденом, она отмечает, что это человек, который должен не только составить счастье Бетси, но и оправдать выбор ее родственников, что, по сути, в ее системе ценностей является равновесным. Личное счастье оказывается на одних весах с выгодой семьи. Если сама Бетси выступает за формирующуюся идеологию дружеской романтической любви — такую, какая у героини впоследствии сложится с Трувортом, то ее братья при заключении брака придерживаются старой идеи экономической выгоды и повышения или, по крайней мере, не уменьшения уровня респектабельности семейства. Другой совет для новобрачной в духе Галифакса от леди Трасти звучит следующим образом: «Помни, что нет никого совершенного: если он делает проступки, не знай их, ибо не твое дело выговаривать ему за оные. И самый честный человек может забыться, но он сам собою опаматывается и исправляется» [Вертопрашка, ч. 3, с. 55].

Когда финансовое положение молодой семьи пошатнулось, Минден попытался лишить Бетси ежегодных выплат, полагавшихся ей по брачному контракту — «денег на булавки» (pin money), которыми она могла свободно распоряжаться, не отчитываясь мужу. Леди Трасти была огорчена до глубины души, но напомнила Бетси: «Мне хочется, чтобы вы поддерживали свои права, но чтобы это всегда происходило с тихостию» [Вертопрашка, ч. 3, с. 67]. Конечно, Бетси расстроил этот совет: леди Трасти хотела, чтобы девушка сохранила свои привилегии, не выказывая при этом слишком много упорства.

Власть, которой женщина наслаждается во время ухаживания, делала послушание в браке трудным для восприятия. Опасения Бетси, что ее предполагаемый муж «из раба станет господином», вполне обоснованы. Леди Трасти лишь немного удивлена тому, что после всего лишь двух месяцев брака у Бетси и Миндена возникают семейные проблемы, и предупреждает ее, чтобы та по крайней мере действовала так, как если бы любила своего нового мужа и проявляла к нему нежность. Послушание в браке на первых порах становилось весьма проблематичным: «Женщинам предписывалось быть покорными и подчиняться мужу, поэтому следовало подходить к его выбору весьма тщательно» [Gowing, 1996, p. 185]. Бетси же, которую запугивали ее братья и более тонко действующая леди Трасти, не имела возможности совершить достаточно обдуманый выбор. Ее братья брали в расчет лишь финансовые дела Миндена, а не его моральные качества.

Бетси должна быть послушной, даже когда недостатки и наклонности мужа затмевают любой здравый смысл. Во время их недолгого брака Минден лишил Бетси «денег на булавки», убил ее домашнее животное, приказал ей уволить своих слуг, упрекал за то, что она не вступила в интимную связь с человеком, покровительство которого было ему выгодно, и сам будет уличен в супружеской неверности — связи с любовницей брата Бетси — в доме супруги. Несмотря на то, что гнев Бетси вполне оправдан, она не может открыто его проявить. Согласно книгам советов (и леди Трасти), героиня должна позволить мужу самому осознать свои ошибки и содействовать этому своей нежностью и послушанием. Такого рода советы могли привести лишь к психологическому слову личности женщины, особенно они были опасны для женщин, обладающих сильной волей, таких как Бетси [Stuart, 2002, p. 570].

Роман Хейвуд направлен в первую очередь против патриархальной семейной идеологии, воспеваемой в книгах советов, и представляет собой микрокосм социальных конфликтов XVIII века. В произведении Бетси выигрывает «счастливый билет» в виде супруга, который соединит в себе три из пяти мужских пороков, о которых предупреждал Галифакс: он оказывается скуп, раздражителен и пойман на супружеской измене. Пытаясь найти выход из этой ситуации, Бетси становится заложницей представлений об идеальной жене, и советы леди Трасти не способны хоть как-то облегчить ее положение. Галифакс предупреждает свою дочь, что общество не изменится только ради нее, тогда как Хейвуд меняет мир ради Бетси: ее супруг умирает, успев раскаяться перед смертью, Труворт также оказывается свободен от своих брачных уз, и все благоволит к тому, чтобы влюбленные смогли заключить брак. Можно согласиться с Ш. Стюартом, которая замечает, что концовка романа — воссоединение Бетси и Труворта — это то, чего ждали читатели, но, возможно, не совсем то, что хотела сказать Хейвуд [Stuart, 2002, pp. 572–573]. Хотя Бетси перестала полагаться на советы леди Трасти, она продолжила ориентироваться на общественное мнение так, как никогда не делала этого даже в начале романа.

Это внимание и заботу об общественном мнении можно рассматривать не только как путь к исправлению героини, но и как путь к разрушению личности самой Бетси. Конец романа неоднозначен. По большей части на протяжении всего повествования Бетси пытается следовать

стратегии поведения, изложенной в книге советов. Когда она действительно решает сделать неразумный поступок и уйти от мужа, ее друзья соглашаются ей помочь. Однако героине так и не пришлось испытать свою решимость на прочность: Минден умирает до того, как ей придется столкнуться с настоящим испытанием и вынести судебный иск, связанный с бракоразводным процессом. Заметим, что к моменту издания романа Хейвуд в 1751 году уже состоялось 14 парламентских разводов [Wolfram, 1985, p. 157], и писательнице, скорее всего, было о них известно, неслучайно в ее романе встречается два эпизода о попытке развода. Галифакс также не исключал возможности обращения женщины в суд, но с учетом времени, когда его наставления были написаны, он говорил лишь о раздельном проживании супругов — *separation*, которое предоставлял церковный суд (развод *a mensa et thoro*, то есть отлучение от стола и ложа). Первый развод, инициированный женой и удовлетворенный Парламентом, произошел лишь в 1801 году [Wolfram, 1985, p. 162]. Даже весьма прогрессивно настроенная Хейвуд в середине XVIII века не отважилась воплотить такой сценарий в своем произведении. Единственной возможностью избавиться от ненавистного брака для жены была только смерть супруга. Именно такой очевидный выход из ситуации, который хорошо отражает реальное положение дел, использует Хейвуд с двумя своими главными героями: у Бетси умирает муж, у Труворта молодая супруга, и только таким образом герои могут воссоединиться.

При первом прочтении роман может показаться обычной любовной историей, не самой оригинальной, полной разного рода штампов, присущих жанру. С другой стороны, это назидательная история о том, как пустое следование авторитетам и книгам советов может сломить свободную волю. Бетси получает статус вдовы, а вместе с ним — ту независимость, к которой стремилась, однако снова вступает в брак. Героиня встает на путь исправления кокетки, стараясь жить по правилам книг о поведении, бездумно исполняя их советы, и в конце концов получает вознаграждение в виде «хорошего супруга», но при этом становится частью того патриархального общества, которому она смело бросала вызов в начале романа. Несмотря на счастливый финал, мы видим торжество патриархальной системы семейно-брачных отношений, за которую так ратовал Галифакс и которому пыталась противостоять Хейвуд. Единственный рецепт, предлагаемый Хейвуд в романе, — это обдуманый выбор партнера, с которым придется провести всю оставшуюся жизнь. Преодоление кризиса в семейно-брачных отношениях видится автором произведения в выстраивании гармоничных отношений между супругами, где на первый план выдвигается концепция романтической любви, а не холодного материального расчета. Также Хейвуд осуждает попытки девушек слепо следовать популярным наставлениям и советам эпохи, способным завести в тупик и вызвать психологическую травму. Однако равноправному положению супругов в браке все еще будет мешать образовательная пропасть между мужчинами и женщинами, которая лишь в конце XVIII века начнет постепенно уменьшаться.

Список источников

1. Вертопрашка, или история девицы Бетсии Татлес. Английский роман / пер. с фр. — М. : Унив. тип. у Ридигера и Клаудия, 1795–1796. — Ч. 1–3.
2. Лабутина Т. Л. Мир английской леди. Воспитание, образование, семья. XVII — начало XVIII века. — М. : Ломоносовъ, 2016. — 256 с.
3. Советы знатного человека своей дочери, сочиненные г. маркизом Галифаксом / пер. П. Баженова. — М. : Унив. тип., у В. Окорокова, 1790. — 168 с.
4. Gowing L. *Domestic Dangers: Women, Words, and Sex in Early Modern London*. — Oxford : Clarendon Press, 1996. — 301 p.
5. Haywood E. *The History of Miss Betsy Thoughtless*. — Ontario : Broadview Press, 1998. — 656 p.
6. Mount F. *The Subversive Family: An Alternative History of Love and Marriage*. — London : Jonathan Cape Ltd, 1982. — 282 p.
7. Overton B. *Fictions of Female Adultery, 1684–1890. Theories and Circumtexts*. — New York : PALGRAVE MACMILLAN, 2002. — 284 p.
8. Perry R. *The Celebrated Mary Astell*. — Chicago : University of Chicago Press, 1986. — 564 p.
9. Schofield M. N. *The Awakening of the Eighteenth-Century Heroine: Eliza Haywood's New Women* // *CEA Critic*. — 1981. — Vol. 43, no. 3. — Pp. 9–13.
10. Shorter E. *The Making of the Modern Family*. — London : Fontana, 1976. — 376 p.
11. Stone L. *Family, Sex and Marriage in England, 1500–1800*. — New York : Harperand Row, 1977. — 800 p.
12. Stone L. *Uncertain Unions: Marriage in England 1660–1753*. — Oxford : Oxford University Press, 1992. — 308 p.
13. Stuart S. *Subversive Didacticism in Eliza Haywood's "Betsy Thoughtless"* // *Studies in English Literature, 1500–1900. Restoration and Eighteenth Century*. — 2002. — Vol. 42, no. 3. — Pp. 559–575.
14. Vickery A. *The Gentleman's Daughter*. — New Haven : Yale Univ. Press, 1998. — 436 p.

15. Wilson C. Love of God and Love of Creatures: The Masham-Astell Exchange // *The Concept of Love in 17th and 18th Century Philosophy*. — Leuven : Leuven University Press, 2007. — Pp. 125–140.
16. Wolfram S. Divorce in England 1700–1857 // *Oxford Journal of Legal Studies*. — 1985. — Vol. 5, no. 2. — Pp. 155–186.

References

1. *Vertoprashka, ili istoriya devitsy Betsii Tatles. Angliyskiy roman* [Shilly-Shally, or History of Mlle. Betsya Tatles. English novel]. Transl. from French. Moscow, Ridiger and Claudius Univ. Publ., 1795–1796, Ch. 1–3. (In Russian).
2. Labutina T. L. *Mir angliyskoy ledi. Vospitaniye, obrazovaniye, semya. XVII — nachalo XVIII veka* [The world of an English lady. Upbringing, education, family. XVII — beginning of XVIII century]. Moscow, Lomonosov Publ., 2016, 256 p. (In Russian).
3. *Sovety znatnogo cheloveka svoey docheri, sochinennyye g. Markizom Galifaksom* [Advice of a nobleman to his daughter, composed by Mr. Marquess of Halifax]. Transl. P. Bazhenov. Moscow, V. Okorokov's Univ. Publ., 1790, 168 p. (In Russian).
4. Gowing L. *Domestic Dangers: Women, Words, and Sex in Early Modern London*. Oxford, Clarendon Press, 1996, 301 p.
5. Haywood E. *The History of Miss Betsy Thoughtless*. Ontario, Broadview Press, 1998, 656 p.
6. Mount F. *The Subversive Family: An Alternative History of Love and Marriage*. London, Jonathan Cape Ltd, 1982, 282 p.
7. Overton B. *Fictions of Female Adultery, 1684–1890. Theories and Circumtexts*. New York, PALGRAVE MACMILLAN, 2002, 284 p.
8. Perry R. *The Celebrated Mary Astell*. Chicago, University of Chicago Press, 1986, 564 p.
9. Schofield M. N. The Awakening of the Eighteenth-Century Heroine: Eliza Haywood's New Women. *CEA Critic*, 1981, vol. 43, iss. 3, pp. 9–13.
10. Shorter E. *The Making of the Modern Family*. London, Fontana, 1976, 376 p.
11. Stone L. *Family, Sex and Marriage in England, 1500–1800*. New York, Harper and Row, 1977, 800 p.
12. Stone L. *Uncertain Unions: Marriage in England 1660–1753*. Oxford, Oxford University Press, 1992, 308 p.
13. Stuart S. Subversive Didacticism in Eliza Haywood's "Betsy Thoughtless". *Studies in English Literature, 1500–1900. Restoration and Eighteenth Century*. 2002, vol. 42, iss. 3, pp. 559–575.
14. Vickery A. *The Gentleman's Daughter*. New Haven, Yale Univ. Press, 1998, 436 p.
15. Wilson p. Love of God and Love of Creatures: The Masham-Astell Exchange. *The Concept of Love in 17th and 18th Century Philosophy*. Leuven, Leuven University Press, 2007, pp. 125–140.
16. Wolfram S. Divorce in England 1700–1857. *Oxford Journal of Legal Studies*. 1985, vol. 5, iss. 2, pp. 155–186.

Информация об авторе

Созина Ксения Андреевна — кандидат исторических наук, доцент кафедры зарубежного регионоведения Уральского федерального университета имени первого Президента России Б. Н. Ельцина.

Сфера научных интересов: гендерная история, английские писательницы, английское джентри, культура чтения, вторая половина XVII — начало XIX века.

Information about the author

Sozinova Ksenia Andreyevna — candidate of historical sciences, associate professor, Department of Foreign Regional Studies, Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin.

Research interests: gender history, English female authors, English gentry, culture of reading, second half of the 17th — early 19th centuries.

Статья поступила в редакцию 10.02.2023; принята к публикации 20.03.2023.

The article was submitted 10.02.2023; accepted for publication 20.03.2023.